

Портрет Е. Е. Лансере
в папахе

З. Е. Серебрякова
1915

Частное собрание

Предисловие

Евгений Евгеньевич Лансере и Кавказ (Грузия, Армения, Дагестан, Чечня, Азербайджан) — это особая часть истории отечественного искусства первой половины XX века, насыщенная поездками художника по экзотическим местам, выставками, произведениями в разных техниках и жанрах, общением с людьми этого многонационального региона. Он провел на Кавказе менее семнадцати лет, но путешествия сюда начались еще летом 1904-го, а завершились зимой 1943–1944 годов. Жизнь в Дагестане и Грузии в 1917–1934 годах изменила мировоззрение мастера, повлияла на его художественный метод и вместе с тем, вдалеке от столичных тенденций модернизма, помогла сохранить свободу творческой мысли. И в условиях начавшихся репрессий — жизненную свободу тоже.

Симпатия художника к этому региону, наверное, была предрешена любовью к Терской области и Грузии его родителей — скульптора Евгения Александровича Лансере (1848–1886) и художницы Екатерины Николаевны Лансере (урожденной Бенуа; 1850–1933).

Е. А. Лансере в 1870–1880-е годы совершил много художественно-этнографических поездок и первым в семье

заинтересовался Востоком. В 1870 году, после окончания юридического факультета Петербургского университета, он впервые поехал на Кавказ. Под влиянием своего увлечения культурой региона Е. А. Лансере начал носить кавказскую одежду, чем удивил семью Бенуа, когда пришел свататься. Брат Екатерины Николаевны Александр вспоминал:

«Однажды среди наших гостей я заметил новое лицо — молодого человека с заостренной бородкой, одетого совсем не так, как другие, — в кафтан без пуговиц и в шаровары. На ногах у него были мягкие черкесские сапоги, а на голове странная кавказская шапочка. Уже одно это было поразительно, но еще поразительней было то, что являлся этот молодой человек всегда верхом на казацкой лошади»¹.

Осенью 1874 года молодожены совершили свадебное путешествие через Осетию в Грузию. Местная культура вдохновила Е. А. Лансере на создание многих этнографически достоверных скульптурных изображений грузин, татар, осетин, черкесов и лезгин. В поездке Екатерина Николаевна написала много акварелей с видами Грузии.

Евгений Александрович умер рано, в 37 лет, но передал детям интерес к изучению далеких стран и народов.

«Я от отца получил несколько черт (только как наследственность), о которых тут и хочу упомянуть: интерес к исканию верного бытового жеста, движения; интерес к этнографической характеристике своих персонажей и, наконец, влечение к Кавказу»².

Пример других родственников для юного Евгения был тоже важен. Поездку на Кавказ он особенно ожидал с апреля 1893 года, когда вернувшийся из Крыма и Кавказа его дядя архитектор Леонтий Бенуа обещал в следующий раз осенью взять и Евгения:

«Сперва я поверил и уже воображал себя на Кавказе, среди громадных гор, черкесов и аулов! Видеть новые города, места, деревья, людей, небо и воду! Как это интересно, как это мне хочется»³.

Портрет Е. А. Лансере
и Е. Н. Лансере (Бенуа)

Мэри Этингер
1877
Частное собрание

А в 1895 году на Кавказ съездил еще один его дядя — акварелист Альберт Бенуа. Тем не менее в доме Бенуа, где Евгений жил после смерти отца, его стремление посетить Кавказ не поддержали. Зато друг отца скульптор А. Л. Обер вполне разделял и подкреплял его интерес к путешествиям в новые, далекие от цивилизации регионы.

Джигитовка
наездника-черкеса

Е. А. Лансере
1873
Фотография
1880-х годов.
Частное собрание

«Начали бранить Петербург и его климат <...> Потом о Кавказе и про Крым, что дядя Люля бранит Кавказ, говоря, что там нет никакой культурности не то что Италия! <...> Шура говорит, что его не тянет на Кавказ. Атя и Обер напротив, им “ужасно” хотелось бы там побывать. Обер говорит, что ему вовсе не хочется ходить по музеям, <жить> в гостиницах и вообще пользоваться культурою, но что он с восторгом путешествовал бы по Крыму, Кавказу, Туркестану, по диким первобытным странам, где нет звонков и свистков, нет знаменитых мадонн, но где природа цельная, великая, свободная, не тронутая цивилизацией. <...> Я вполне с ним согласен, и мне Обер очень понравился. Как бы я тоже хотел попутешествовать верхом или пешком, по диким пустынным местам», — записал Евгений в дневнике 24 апреля 1893 года.

А пока молодой художник с матерью, братом Николаем и сестрами летом ездил в усадьбу Нескучное Курской губернии, а первую свою дальнюю поездку без матери совершил в июне 1893 года вместе с дядей Леонтием Бенуа по Ярославской и Владимирской губерниям. Летом 1896 года вместе с другом отца журналистом В. С. Россоловским он проплыл на пароходе по Волге и Каме до имения Аксаковых в деревне Мусино Уфимской губернии.

Однако под влиянием еще одного дяди, Александра Бенуа, у юноши тогда превалировало увлечение Западом.

В 1894-м он совершил поездку в Варшаву, Вену, Мюнхен и Швейцарию, где впервые увидел горы — пики Баварских Альп и Бернские Альпы. В 1895-м, после окончания Рисовальной школы Общества поощрения художеств в Санкт-Петербурге, по совету Александра Бенуа он уехал в Париж, где учился в академиях Ф. Коларосси и Р. Жюлиана, в студиях Жана-Поля Лорана и Жана-Жозефа Бенжамен-Констана. В 1898-м посетил Чехию, в 1899-м — Италию и Лондон. Он был увлечен символизмом и европейскими версиями стиля модерн. Развитию черт неоклассицизма в его творчестве способствовали поездка весной 1907 года в Италию и знакомство с архитектором И. В. Жолтовским.

Вместе с тем стоит вспомнить, что Евгений Евгеньевич еще в 1890-е стал одним из первых мастеров Серебряного века, передавших в рисунках поэтику обыденного Петербурга. С 1898 года он участвовал во многих выставках, стал широко известен как член объединения «Мир искусства».

Тогда же одной из главных сфер деятельности художника была работа над графическими иллюстрациями к литературным произведениям. Большой интерес представляют его иллюстрации и оформление «Легенд о старинных замках Бретани» Е. В. Балабановой (1899), третьего тома «Истории царской и императорской охоты» Н. И. Кутепова (1901–1902), искусствоведческого труда А. Н. Бенуа «Царское Село в царствование императрицы Елизаветы Петровны» (1904–1910), пьесы «Царь Голод» Л. Н. Андреева (1908), многочисленные фронтисписы, титульные листы и обложки к разным изданиям.

Уже в 1902 году Александр Бенуа в «Истории русской живописи» обратил внимание на «книжное» призвание своего племянника, на его заслугу, наряду с Л. С. Бакстом и К. А. Сомовым, в «поднятии у нас типографского дела»⁴. С. К. Маковский также выделял особую роль художника в возрождении русской книги, в создании «нашего графического стиля», в решении задач «книжного украшения во всей полноте», в развитии увлечения «старинными шрифтами, затейливыми росчерками и книжными знака-

ми»⁵. Н. Э. Радлов вообще констатировал, что Е. Е. Лансере является одним «из самых продуктивных и интересных наших графиков» начала XX века⁶.

На рубеже столетий художник зарекомендовал себя уже мастером журнальной графики (с 1898 г. он создавал обложки, заставки, виньетки, концовки, буквы, шрифты, подписи, обрамления журналов «Мир искусства», «Художественные сокровища России», «Детский отдых», «Золотое руно», «Аполлон» и других) и графики «малых форм» (эскизы, издательские и почтовые марки, рисунки знаков, эмблем, дипломов и др.), автором афиш выставок и театральных представлений, плакатов.

В 1900-е годы в полную силу развивался художественный универсализм Лансере в духе Ренессанса. В сотрудничестве с друзьями архитекторами И. В. Жолтовским, А. В. Щусевым, А. О. Таманяном им были разработаны многие проекты монументально-декоративного оформления интерьеров в разных стилях: от модерна (панно в Большой московской гостинице, 1906) до неоклассицизма (плафон и фриз дома Г. А. Тарасова в Москве, 1909–1911). Стал известен он и как театральный сценограф и декоратор интерьеров (автор эскизов мебели, живописного и скульптурного оформления стен, элементов убранства).

В предреволюционный период художник, исполняя разнообразные заказы, мало работал «для себя» и поэтому все больше мечтал вырваться из напряженной атмосферы столицы. Помня об опыте отца и под влиянием своего педагога по Рисовальной школе Яна Францевича Ционглинского, ездившего в Египет, Тунис, Турцию, Палестину, Индию и Цейлон, он думал о путешествиях по Азии. С 4 июня по 11 августа 1902 года ему посчастливилось совершить с Леонтием Бенуа поездку по недавно открытой Китайско-Восточной железной дороге в Манчжурию (Харбин и Порт-Артур) и далее на пароходе в Японию, где он посетил самые восточный (Уцуномия) и южный (Нагасаки) города в своей жизни. Многие работы, созданные в этой поездке, предвосхитили жанровые решения и композиционные приемы кавказского периода в творчестве мастера.

Тифлис. Подъем к храму
на гору Гандегили

Е. Е. Лансере (Бенуа)
1874
Частное собрание

«В 1902 году случайно мне удалось совершить путешествие на Дальний Восток: в Манчжурию, Порт-Артур, Японию, и эта поездка была первым опытом и предвестником той работы, которая в мой кавказский период послужила поводом к решительному повороту в сторону от графики к живописи. В них, этих работах, проявились, по замечанию одного из моих друзей, уже характерные черты моих этюдов — искание стиля пейзажа (оставаясь очень точным) и отсутствие задач чисто живописных»⁷.

Романтик по натуре, Лансере все больше увлекался Кавказом. По совету Александра Бенуа он читал книги французского путешественника Фредерика Дюбуа де Монпере, посетившего Крым и Кавказ в 1831–1834 годах, и Александра Дюма о поездке на Кавказ в 1858–1859-х. Изучал он и «Русский художественный листок», издававшийся в 1851–1862 годах В. Ф. Тиммом с периодичностью три раза в месяц, в котором печатались пейзажи и типичные жанровые сцены Северного Кавказа и Грузии с рисунков Г. Г. Гагарина, Н. Г. Чернецова и др.

Круг русских художников, работавших на Кавказе в XIX веке, был велик — Д. А. Милютин, Л. Ф. Лагорио, В. В. Верещагин, И. К. Айвазовский, Н. А. Ярошенко, А. А. Киселев, А. И. Куинджи... Всех интересовали романтические виды моря, ущелий, хребтов и горных аулов. Некоторые из этих работ Лансере копировал, еще учась в Рисовальной школе. Посещали Кавказ и многие иностранцы, например французские художники Тейтбу де Мариньи (в 1818 г.), Ксавье Оммер де Гелль (в 1840-е гг.), Шарль-Мариус Ребуль (в 1853 и 1894 гг.), Флориан Жилль (в 1858 г.).

Но Лансере больше интересовали произведения батальной живописи баварца, участника военных походов в конце 1850-х годов по Дагестану и Чечне Теодора Горшельта и Франца Алексеевича Рубо, с которым молодой художник познакомился в 1893 году, когда тот приходил к его деду Н. Л. Бенуа за советом, где лучше в Петербурге выставить свою панораму «Штурм аула Ахульго».

Автопортрет
Тифлис, 1914
Государственный
музей-заповедник
«Петергоф»

Наконец летом 1904-го Лансере предпринял свадебное путешествие с Ольгой Константиновной (в девичестве Арцыбушевой) по Кавказу. Через три дня после свадьбы, 7 июля, молодожены уже были во Владикавказе, где остановились в гранд-отеле Г.М.Бурдули, а 11 июля по Военно-Грузинской дороге приехали в Тифлис, где жили в гостинице «Лондон» у Сухого моста на улице Атонели (д. 31). В ней же в свое время останавливались П.И. Чайковский, лорд Джордж Керзон и Кнут Гамсун. Далее они проехали через Сухум в Гагры и затем попали в Крым. На выбор маршрута повлияло кавказское путешествие 1874 года родителей художника, о котором ему рассказывала мать.

В семье Лансере чтити и католические, и православные традиции. Уже в первых поездках на Кавказ Евгений Евгеньевич познакомился и дружил с представителями других вероисповеданий, с интересом изучая их жизнь и обычаи.

И конечно художник проникся красотой и величием гор. В 1906 году в письме Александру Бенуа при обсуждении предполагаемой летней поездки он писал:

«А если уж и мечтать, — то теперь меня отчего-то больше тянут горы, чем море»⁸.

Поездка Лансере на Кавказ в 1912 году серьезно повлияла на его дальнейший жизненный и творческий путь. Поводом для нового путешествия стал заказ на иллюстрирование и оформление повести Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат».

По воле писателя повесть при его жизни не публиковалась и впервые была издана без иллюстраций в 1912 году в трехтомниках «Посмертные художественные произведения Л. Н. Толстого» в Москве и Берлине. Тогда же повесть вышла отдельной книгой в петербургском издательстве «Товарищество Р. Голике и А. Вильборг» с черно-белыми рисунками баталиста А. П. Сафонова в манере, близкой работам Н. С. Самокиша. Однако благодаря художникам объединения «Мир искусства» книжная графика в начале XX столетия выходила на новый эстетический уровень передачи литературного образа, и петербургские издатели обратились к главному идеологу объединения А. Н. Бенуа, который порекомендовал им в качестве иллюстратора своего племянника, приобретшего к тому времени большую известность. Еще в феврале 1912 года по представлению И. Е. Репина, В. В. Матэ и В. А. Покровского Лансере

был выдвинут на присуждение ему звания академика Императорской Академии художеств. А. Н. Бенуа вспоминал: «Когда издательство Голике и Вильборг обратилось ко мне за советом о том, кому поручить иллюстрирование “поэмы” Толстого “Хаджи Мурат”, то я указал им на Лансере, и я заранее был в восторге от того, что здесь родится другая прекрасная “поэма” в рисунках»⁹.

Еще в молодости Евгений Евгеньевич увлекся творчеством Л. Н. Толстого, отмечал меткость его наблюдений

Силуэт гор
от аула Махкеты
в сторону крепости
Воздвиженской
1913
Издание 1916 г.

и даже иногда называл себя «толстовцем». Правда, позже он признавался:

«Я как-то сердечно люблю Толстого, и не люблю Достоевского (как личность) и все-таки совершенно не признаю “непротивление злу”»¹⁰.

Давно интересуясь темой Кавказа, художник подошел к исполнению этого заказа ответственнее, чем обычно. Он решил не только изучить фактический материал, но и познакомиться с жизнью региона, запечатлеть места, где происходит действие повести, реконструировать облик ее героя.

Готовясь к поездке, Лансере узнал, что муж его сестры Зинаиды Борис Анатольевич Серебряков в свое время

учился в Петербургском институте путей сообщения с дагестанцем Магометом Мирзой Хизроевым, сестра которого Зульфиджат была женой младшего сына Хаджи-Мурата. Магомет дал художнику ценные советы и предложил ему остановиться в родительском доме в ауле Хунзах в Дагестане.

По письмам, многочисленным рисункам и этюдам Евгения Евгеньевича реконструируются история и география этого уникального путешествия.

Четырнадцатого июля 1912 года Лансере приехал на поезде во Владикавказ.

«Милый Коля, — писал он брату, — третий день в Владикавказе и третий день дождь и низкие тучи совершенно закрывают вид на горы. От туземцев видны только бурки и башлыки... После завтра едем дальше, в Чечню, нам обещают дать проводника с винтовкою и будет объявлено, что мы “кунаки” одного здешнего богатого помещика-чеченца. Твой Женя»¹¹.

Восемнадцатого июля художник поехал в Чечню. Он изучал места, где бывал Хаджи-Мурат, в том числе крепость Воздвиженскую (Шах-Гирей), близ которой в ноябре 1851 года отважный горец сдался русским властям. Здесь Лансере познакомился с Лэтой Атаевой — родственницей Атабая Атаева, который был наибом имама Шамиля. Около недели Лансере, переправившись на правый берег реки Аргун, изучал природу и жизнь Большой Чечни, бывшей наибством Шамиля в 1842–1844 годах, посетил аулы Махкеты (23 июля) и Ведено (25 июля), побывал в окрестностях горы Чермой-Лам (высота 2361 м).

Обстановка в Чечне была беспокойной. После революции 1905 года в ответ на репрессии властей чеченский абрек Зелимхан Гушмазукаев (1872–1913), опираясь на крестьянство, активизировал партизанскую войну. В 1912 году царские власти за голову отважного абрека назначили вознаграждение в 18 тысяч рублей.

«Во время заночевок в аулах, по рассказам художника, хозяин помещал его в кунацкую, сам в целях охраны ложился поперек входной двери, а наутро обязательно провожал до следующего аула. <...> Во время одного из переездов между аулами охранному отряду, сопровождавшему художника, показалось (дело было ранним туманным утром), что около них находятся зелимхановцы. Все, в том числе и художник, спешили, зарядили винтовки и некоторое время были в напряженном состоянии, ожидая возможной стычки»¹².

Несмотря на опасности, Лансере продолжал путешествие на юг от аула Ведено по пути Даргинской экспедиции под командованием М. С. Воронцова 1845 года, целью которой был захват ставки Шамиля в ауле Дарго. Вероятно, Евгения Евгеньевича сопровождал пристав Веденского округа подполковник князь С. Каралов, через несколько месяцев телеграммой поздравивший художника с присвоением ему звания академика.

Двадцать девятого июля Лансере написал портрет казначея Даргинской сельской общины Исмаила Магомедова, а уже тридцатого, переправившись из Терской области в Дагестанскую, рисовал аул Анди и его жителей.

Андийская культура поразила столичного художника. В письме брату Николаю он нарисовал молодую андийку с кувшином:

«Смотри, какой курьезный наряд: это андийка. Перевалив первый высокий хребет, мы попали из Чечни в Дагестан. Чечня почти не знает искусства и наход. [ится] под русским влиянием, а здесь сразу бросается в глаза персидская (или арабская?) культура — узор, колонки, профили уже все восточное и вот женщины — странно напоминают Алжир»¹³.

Сравнение с Алжиром здесь не случайно: художник помнил рассказы отца о поездке в эту страну в 1883 году, запечатленной в его рисунках и скульптурах.

Лансере осмотрел и зарисовал аулы Ботлих и Тлох на берегу реки Андийское Койсу, куда Шамиль назначил Хаджи-Мурата наибом и куда отправил потом его семью. Особенное внимание мастера из-за событий, связанных с последними годами жизни Хаджи-Мурата, привлек Хунзахский округ. Он посетил аулы Цельмес (6 августа),

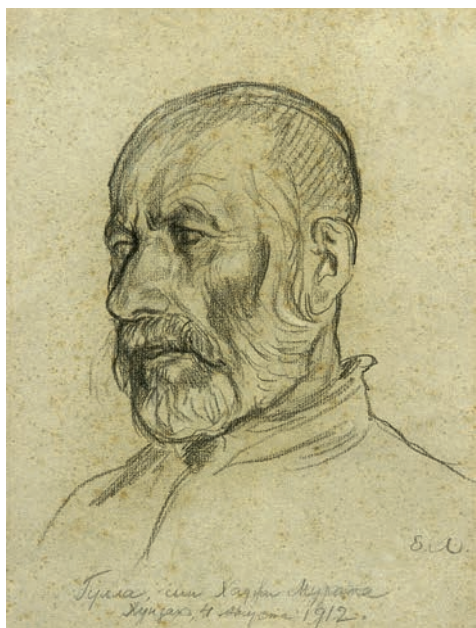
в котором в 1851 году Хаджи-Мурат жил с матерью, женой, двумя сыновьями и четырьмя дочерьми, Гамишта (ныне Амишта) и Обода, где зарисовал интерьер сакли, в которой Хаджи-Мурат скрывался от Шамиля, а также Батлагич (ныне Батлаич).

Около недели (2–8 августа) Лансере провел в ауле Хунзах, где Хаджи-Мурат родился и где был наибом. Художник остановился в доме отца Магомета Хизроева — участника русско-турецкой войны 1877–1878 годов Исилау Хизроева. Лансере интересовало все: природа, люди, их быт и традиционные ремесла, предметы обихода — ковры, керамика, одежда. Здесь он рисует улочки, развалины сакли, соборную мечеть в квартале Хорих, русскую крепость в соседнем селе Арани.

Одной из задач художника было реконструировать облик героя толстовской повести, однако сразу найти близкий по внешности образ было сложно. Четвертого августа он нарисовал карандашный портрет Гуллы — старшего сына Хаджи-Мурата, — который чертами лица больше был похож на мать, чеченку Сану. Познакомился Евгений Евгеньевич и с другими сыновьями Хаджи-Мурата — Абдулкадыром и Хаджи-Муратом.

Внучка Хаджи-Мурата (дочь его младшего сына) Умма Муратовна, которую художник рисовал девочкой еще в 1912 году, вспоминала, что Лансере восстанавливал образ Хаджи-Мурата с сына Гуллы.

Около 10 августа художник спустился от Хунзаха к реке Аварское Койсу и направился в Гуниб. Именно тогда им

Гуллы,
сын Хаджи-Мурата

Хунзах,
4 августа 1912
Дагестанский музей
изобразительных искусств
им. П. С. Гамзатовой

Аул Хунзах. Мечеть

1912
Государственный музей
Л. Н. Толстого

Хейнжах

51

Хейнжах
1912

были сделаны насыщенные по цвету карандашные и акварельные пейзажи хребта Арактау (Аракмеэр) и находящейся по середине пути знаменитой Чемодан-горы (Тлилимеэр), привлекавшей живописным выступом своего верхнего плато многих мастеров, например Н. А. Ярошенко в 1888-м.

По берегу Аварского Койсу Лансере достиг аула Анцух, затем остановился в ауле Глядаль, а около 15 августа из Гунибского округа, преодолев Большой Кавказский хребет (по одному из перевалов высотой более 2400 м), приехал в Грузию, в село Дзвели Гавази (ныне Ахалсопели). Из Кахетии через Алазанскую долину художник прибыл в село Кахи (ныне Гах) Закатальского округа (ныне территория Азербайджана), а оттуда — в деревню Белядушка Елисаветпольской губернии (ныне село Биледжик Шекинского района Азербайджана). Близ нее 23 апреля 1852 года трагически погиб Хаджи-Мурат. Здесь Лансере работал над эскизами к одной из заключительных панорамных иллюстраций повести «Хаджи-Мурат» — «Долина Алазани; вид на северо-запад вблизи места, где был убит Хаджи-Мурат и где он похоронен». Несколько дней он провел в мусульманском городе Нуха (ныне город Шеки), где Хаджи-Мурат ждал решения о выкупе его семьи у Шамиля.

Дорогу до железнодорожной станции Евлах художник описал в письме брату Николаю:

«Дорога из Нухи до ж. д. считается скучной — мы ехали всю ночь (75 верст), но местами она, особенно ночью при луне, фантастична — небольшие, пустынные горы, изрытые, в беспорядке торчащие во все стороны — совсем лунный пейзаж. Под утро встретили два верблюжьих каравана»¹⁴.

Таким образом, за месяц Лансере преодолел на лошадях около шестисот километров, посетив Терскую и Дагестанскую области, Закатальский округ, Елисаветпольскую и Тифлисскую губернии, то есть современные территории Северной Осетии, Ингушетии, Чечни, Дагестана, Азербайджана и Грузии.

Умма,
внучка Хаджи-Мурата
Хунзах, 2 августа 1912
Государственный музей
Л. Н. Толстого